

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АФРИКЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ СПЕЦИАЛЬНОГО НОМЕРА

© 2023 Масиел Сантуш (Университет Порту)

© 2023 Дмитрий Бондаренко (Институт Африки РАН)

© 2023 Мурад Аты (Университет 8 мая)

Система институализированных политических партий является элементом социального регулирования в эпоху позднего капитализма. Если к этому добавить всеобщее избирательное право, то такой системе, в которой «политика» замкнута в границах электоральной, парламентской и правительственной деятельности, менее ста лет в самых продвинутых обществах. Как показали американский и канадский экономист, антрополог, социолог и политический философ К. Поланьи и современные антропологи, общества, в которых «политика» появляется как автономная сфера, – исторические исключения. В докапиталистических социумах иные связи – такие, как родственные, религиозные и т.д. – определяли целостность общественной жизни и охватывали то, что позже превратилось в независимые системы производственных отношений, политической организации или воспроизводства мировоззрения.

В XX в. границы соприкосновения этих двух социальных систем стали взрывоопасными зонами. Экспорт капитала и формальное или неформальное господство «развитых» обществ над «традиционными», с одной стороны, разрушили древние системы социального регулирования («туземное право»), но с другой стороны – не привели к установлению в этих обществах реплик «современной» классовой структуры. Логичным результатом таких половинчатых изменений стало то, что большинство заимствованных политических институтов в тропиках функционирует иначе, чем на Западе, начиная с разделения властей (отсутствовавшего во всех колониальных администрациях) и вплоть до политических партий, избирательных систем и гражданских служб. Для колониальных администраций это было свидетельством того, что «туземцы» все еще нуждаются в длительном периоде «ученичества», прежде чем получить независимость. После деколонизации и в особенности после замедления экспорта капитала и роста государственного долга почти во всех новых государствах на большинство африканских стран был навешен ярлык «несостоявшихся» в той или иной степени – от «несостоявшейся экономики» до «несостоявшегося государства».

Этот специальный номер журнала «Ученые записки Института Африки РАН» представляет собой попытку пролить свет на воздействие таких политических перемен в Африке, прояснив, какого рода политические организации развиваются в ней в течение последних десятилетий.

Долгая волна рецессии (с 1960-х до середины 1990-х гг.) привела к требованиям кредиторов снова изменить африканские политические структуры: они говорили, что пришло время сломать утвердившуюся во многих странах континента однопартийную систему. В действительности трудно было сохранить прежние элиты у власти, когда зарождавшееся государство всеобщего благоденствия разваливалось, и социальный рег-

ресс охватывал городские слои и крестьянство. Политические изменения казались необходимыми, и была внедрена многопартийная система (хотя де-факто однопартийность никуда не делась). Исследование политического транзита в Уганде **Ф. Кисекка-Нгале** вскрывает то, как это происходило во время выполнения программы Международного валютного фонда.

В то же время в социальном отношении партии в Африке становились все более непохожими на исторические модели партий на других континентах. Прежде всего такие партии нелегко идентифицировать с общественными классами. Причина в том, что во многих случаях классовая структура в африканских обществах из-за низкого уровня социально-экономического развития не сложилась в той же степени, что вне Африки, а там, где классовая структура все же сложилась, она разрушилась из-за длительной волны регресса. В своем описании ситуации в позднеколониальной Анголе **М. Сантуш** показывает один из наиболее ярких примеров воздействия регресса. Аналогичным образом **А.Ю. Шипилов** объясняет борьбу за власть в Кот-д'Ивуаре как вызванную крахом модели роста страны, приведшим к перестановке политических сил.

Одно из следствий такого развития – тенденция, сближающая субсахарскую Африку с биполярной моделью классов, в которой наиболее видимый раскол отделяет политически господствующий класс от остального населения. М. Вебер указывал на сходство между государственными служащими и остальными наемными работниками: все они отделены от материальных средств производства, управления, научных исследований и финансов в целом. Специфика Африки, вырастающая из особенностей ее развития, заключается в том, что официальная работа по найму стала почти исключением в негосударственном секторе. По мнению некоторых авторов, этот сужающийся горизонт сокращает возможности осуществления социальных перемен и ведет к тому, что оппозиционные партии видят себя как простую замену тем, кто составляет штат государственных служащих в данный момент. Статья **Т.С. Денисовой и С.В. Костелянца** показывает, что происходит, когда вооруженные повстанческие движения превращаются в политические партии. И если существует только одна модель социальной мобильности, то это может объяснить, почему идеологические различия между африканскими политическими партиями кажутся такими трудными для определения. Статьи **И. Агоштиньо** и **А. Насименто** представляют собой исследования двух примеров почти тождественности конкурирующих политических партий с точки зрения их идеологии и социальной базы. Еще только предстоит увидеть, смогут ли встать на иной, новый путь протестные движения, расцветшие на периферии системы чередующихся «партий-государств». То, как далеко может зайти в отрицании системы чередующихся партий движение *FixTheCountry* в Гане, рассматривается **Г.Э. Архином**.

Размывание различий между государством и государственными партиями в Африке затрудняет их включение в классификации, разработанные политологами. Один из таких случаев – результат усилий по строительству государства фронта Полисарио в Западной Сахаре – в центре внимания **И. Лоуренсо и Ж. Тейшейры**. Смещение государства и партии имеет еще один важный побочный эффект в сфере международных отношений: оно также превращает партии-государства во внешнеполитических акторов. Проблема в том, что приходят революции, и нелегко предсказать, кто останется стабильным партнером. Как описывается в статье **М. Аты**, это и есть та проблема, с которой столкнулась администрация США, когда в 2011 г. события в Египте привели к власти вечно находившихся в оппозиции «Братьев-мусульман» (запрещенная в России террористическая организация). И это, безусловно, причина того, почему восходящие державы в мировой политике, такие, как Китай, предпочитают сводить отношения между государствами к отношениям между партиями, собирая десятки партий

на своих дипломатических форумах и в дипломатической сети, как ясно показывает анализ **Т.Л. Дейч**.

Как сказано в известном справочнике, политические партии представляют собой «недавние, но сложные феномены» (J. Charlot, 1971 г.). Картина некоторых африканских вариантов, представленная в этом специальном номере «Ученых записок Института Африки РАН», далека от полноты. Политические партии – элементы гораздо более сложной системы, в которой воплощаются тенденции общественного развития в Африке. По сути дела, это собрание статей – только веха в деятельности международной сети изучения африканской политики, созданной в 2017 г. Институтом Африки Российской академии наук, Центром изучения Африки Университета Порту (Португалия) и Центром изучения современной Африки Дуалы (Камерун). Следующая за ее первой публикацией – о выборах в Африке (*Africana Studia*, 2020, № 34) и двумя международными конференциями, эта подборка статей об африканских политических партиях призвана переосмыслить недавние исследования и открыть путь для новых. Организаторы сети надеются в 2024 г., подготовив третью конференцию, расширить как охват тем, так и масштабы коллективных усилий по лучшему пониманию африканской политики.

EDITORIAL NOTE

© 2023 Maciel Santos (CEAUP)

© 2023 Dmitri Bondarenko (IAS)

© 2023 Mourad Aty (CEAUP)

A system of organized political parties is part of social regulation in late capitalism. If universal suffrage is added, such a system, in which “politics” is confined to the boundaries of electoral, parliamentary and governmental action, is less than a century old in the most advanced societies. As Polanyi and modern anthropology has showed, societies in which “politics” appear as an autonomous sphere are historical exceptions. In pre-capitalist societies, other relationships such as kinship, religion, etc. framed the entirety of social life and encompassed what would later appear as independent systems of work relations, political organization or the reproduction of mental representations.

In the 20th century the contact fringes of these two social systems became disruptive areas. Capital exports and the (formal or informal) rule of the “developed” societies over the “traditional” ones dismantled the ancient systems of social regulation (“native law”) but not enough to allow for replicas of the “modern” class structure to be implemented therein. The expected result of this half-way change was that most of the imported political institutions would necessarily work differently in the tropics: from the division of powers (absent in all colonial administrations) to political parties, electoral systems or civil services. To colonial administrations this was evidence that the natives still needed longer periods of apprenticeship before independences. After decolonization, and especially after the deceleration of capital exports and the rise of public debt in almost the new states, most of African cases were to be labelled as “failed” in different degrees, from “failed economy” to “failed States”. The present issue attempts to shed some light about the impact of these political changes in Africa, clarifying what kind of political organizations are ongoing during the last decades.

The long recessive wave (from the 1960’s to mid 1990’s) brought along the creditor’s demand to change once again the African political structure: it should be the time, they said, to break the one-party monopoly prevailing since independences. In fact, as the infant Welfare State was falling apart and social regression spreading among urban strata and the moneyed peasantry it was difficult to keep the former elites in power. A faster political turnover seemed necessary and a multiparty system was allowed (although the one-party *de facto* rule remained in place). **Fredrick Kisekka-Ntale’s** survey of the Uganda transition is clear about how it worked during the implementation of the IMF program. In the meantime, the sociology of African parties was becoming increasingly different compared to their historical models outside the continent. To begin with, African parties are not easily identified with social classes because either underdevelopment never came to produce them as elsewhere or the long regression wave destroyed those which were growing. **Maciel Santos’** description of the late colonial years in Angola attempts to show one of the most striking regression cases. Similarly, **Alexander Shipilov’s** explanation of the power struggle in Ivory Coast is based on the effects the failure of the country’s growth model on the rearrangement of the political forces.

One of the outcomes of these developments is a trend which drives Sub-Saharan Africa closer to a bipolar model of classes in which the most visible cleavage separates the State class and the rest of the population. Max Weber had pointed out the similitude between public officials and the remaining wage workers: they all shared” the “separation” of the worker from the material means of production, destruction, administration, academic research and

finance in general”. The African peculiarity arising from its underdevelopment is that formal wage work almost became an exception outside the State payrolls. For some authors, this narrowing horizon reduces the possibilities of social change and leads oppositional parties to see themselves mainly as State-staff replacers. The paper of **Tatyana Denisova and Sergey Kostelyanets** shows what happens when armed movements become institutional parties. And if there is just one pattern of social mobility this may explain why the ideological differences of African political parties seem so hard to tell. The papers of **Issau Agostinho** and **Augusto Nascimento** present two case studies of near symmetry among competing political parties, be it under the ideological point of view or of their support base. It is yet to be seen whether the protest movements that have flourished at the periphery of the system of rotating “state-parties” can consolidate new paths. Just how far the *FixTheCountry* movement in Ghana might go in its refusal of the rotating parties is discussed by **Gerald Emmanuel Arhin**.

The blurring of distinctions between State and State parties in Africa makes them hard to fit into the organizational patterns established by political scientists. One of those cases is the outcome of the State building efforts of the Polisario Front in Western Sahara, the focus of the paper by **Isabel Lourenço, Jorge Teixeira’s**. The State-party confusion has another important side-effect in international relations: it also turns state-parties into international partners as regards foreign policies. The trouble is that revolutions come and go and it is not always easy to tell which will remain as stable interlocutors: that was the dilemma faced by the US administration when 2011 events in Egypt brought to power the chronic oppositional Muslim Brotherhood, as **Mourad Aty’s** paper describes it. And this is surely the reason why a rising power in world politics like China prefers to amalgamate the State-to-State relationships in a party-to-party relationship, assembling dozens of parties in its diplomatic *fora* and diplomatic network, as **Tatiana Deich** clearly analyses it.

As a well-known handbook would put it, political parties represent a “recent but complex phenomena” (J. Charlot, 1971). The illustration of some African variants presented in this issue is far from conclusive. Political parties are elements of a much more complex data system: African societal trends. In fact, this compilation of papers is just a milestone of the international network for the study of African politics organized since 2017 by the African Studies division of the Russian Academy of Sciences, the African Studies Center of Porto University (CEAUP) and the Douala Center of Research of Contemporaneous Africa (Cameroon). Subsequent to its first publication, on “African elections” (*Africana Studia*, 2020, n. 34), and of two international conferences, this file on African political parties attempts to update recent research and clear the way for future cross-linking data. The current organizers aim in 2024, with preparations for the 3rd Series Conference, to expand both the scope of the subjects and the magnitude of the collective efforts to better understand of African politics.